

ЛИРИКА

Перевод Ю. Корнеева

VI

Италия, в былом всех страп царица,
Где доблести твои и гений твой?
Кастальский хор умолк — теперь любой
Над честью муз божественных глумится.

В цепе упали лавры — кто стремится
Стяжать их в дни, когда, гордясь собой,
Зло шествует с поднятой головой
И каждый жаждет лишь обогатиться.

Коль в прозе и стихах высокий слог
Давно утрачен лучшими из нас,
Ждать от тебя нельзя чудес искусства.

Скорби же вслед за мной о том, что рок
Так благосклонен сделался сейчас
К тем, чей язык убог и низки чувства.

VIII

Уж коль сам Данте, как сказал ты где-то,
Скорбит в раю о чтениях моих,
Затем что перед низкой чернью в них
Раскрылся смысл высоких дум поэта,

Казниться буду за безумство это
Я до скончанья дней своих земных,
Хотя, по правде, не себя — других
Мне б следовало призывать к ответу.

Нуждою и тщеславием пустым
Да просьбами назойливых друзей —
Вот кем я был подбит на шаг напрасный;

Зато и не порадовал я им
Тех чуждых благодарности людей,
Что глухи к мысли мудрой и прекрасной.

XII

Раз на лугу, где влага ключевая
Струится, лепеча, меж трав густых,
Сидело трое ангелов земных,
Свою любовь друг другу открывая.

Душистый лавр, чело им обвивая,
Увенчивал красавиц молодых,
И ветерок играл кудрями их,
С зеленым цветом золотой сливая.

И слышал я, как двух одна тогда
Спросила: «Что, коль вздумает явиться
Из наших милых кто-нибудь сюда?

Не вынудит ли страх нас удалиться?
Но две ей возразили: «Никогда!
Не стоит счастья, кто его страшится».

XV

Порой зефир, столь ласковый дотоле,
В лицо мне дунет с преизбытком сил,
Как в день, когда царем Итаки был
По недосмотру выпущен на волю.

Печалиться он не дает мне доле
И словно молвит: «Зря ты приуныл!
Над Байями промчав, я захватил
Оттуда кое-что тебе на долю.

Взгляни-ка вверх». Я поднимаю взор
И в небе вижу облачко золотое,
И кажется оно мне схожим с тою,

К кому в разлуке я влекусь мечтою...
Но вот уж ветер унес его в простор,
И я опять один, как до сих пор.

XX

Такое чувство зажжено нежданно
Во мне очами госпожи моей,
Что помыслами к ней и только к ней
Я обречен стремиться постоянно.

Оно надежду пестует так рьяно,
Что я душою становлюсь смелей,
И кажется мне, будто в жизни сей
Блаженство обрету я невозбранно.

Но тут же запирает страх опять
Ворота рая, что отверзлись мне,
И вижу я с уныньем и с испугом,

Что счастье нам лишь миг дано вкушать,
Пусть даже стоим мы его вполне
И взыскапы им были по заслугам.

XXIV

Огонь очей созданья неземного,
Как только в них я гляжу невзначай,
Так душу жжет и полпит через край,
Что вечно в нем она сгорать готова.

И ты, Амур, чье иго столь сурово,
Бесцельно мне стрелой не угрожай:
Те очи пострашней — в них ад, и рай,
И смерть, и возрожденье к жизни новой.

Оставь свой лук — не нужен больше он:
В такие узы ввергнут я, что их
Утяжелить нет у тебя причины.

Коль скоро прелесть той, кем я пленен,
Лишь умножаешь ты в глазах моих,
Твоим рабом я буду до кончины.

XXXII

По лону вод, чуть зыблемых волпением,
Скользил челнок владычицы моей,
И море оглашали, вторя ей,
Ее подруги сладкозвучным пением.

То к берегу, то к островам течением
Их относило, и глазам людей
Та, кто мне свет и радость в жизни сей,
Везде казалась неземным видением.

Следя за нею, убеждался я,
Что каждого, кто на нее смотрел,
Ее краса, как чудо, изумляла.

Кипела от любви душа моя,
И про себя хвалу я милой пел,
Но мой восторг хвала не умеряла.

Тот не умен, кто мнит ценой смиренья
От яростной судьбы себя спасти;
Еще глупее тот, кто обойти
Пытается тайком ее веленья;

Тот глуп втройне, кто от луны затменье
Рассчитывает криком отвести,
И глуп сверх меры тот, кто унести
С собой задумал в гроб свое именье.

Но тот уже совсем с ума сошел,
Кто жизнь, свободу, достоянье, честь
Швырнуть бабенке под ноги намерен.

Бездушен, зол, продажен женский пол,
И для него одна забава есть —
Терзать мужчину, коль в любви он верен.

XLV

В силки меня Амур без сострадания
Примапкою завлек — очами той,
И кому я тем сильней стремлюсь мечтой,
Чем больше между нами расстояние.

Но вырваться нет у меня желанья:
Так мне она мила и красотой,
И правом, и душевной чистотой,
Что для меня мой плен — благоденье.

Кто хочет, пусть клянёт тебя, Любовь,
А я с того счастливейшего дня,
Когда уловлен в сети был тобою,

С признательностью славлю вновь и вновь
Твое святое пламя, что меня
Так возвышает над самим собою.

LI

Мой стих, теперь по-стариковски хилый,
Был тоже полон юного огня,
Когда, от страсти сдержанной звеня,
Приковывал к себе внимаешь милой.

Но завесь тьмы паброшена могилой
На очи, вдохновлявшие меня,
И холодеет он день ото дня,
И хрипнет, и оскудевает силой.

Коль скоро лик, что с ангельским так схож,
Днесь обращен лишь к небу, чтоб Того,
Чье он подобье, неустанно славить,

Слагать мне стало вирши невтерпеж:
Ведь я отныне жажду одного —
Любимой вслед стопы горé направить.

Коль в самом деле, Данте Алигьери,
Близ милой Биче, чьей душе вослед
Твоя душа стремилась столько лет,
В Венериной ты пребываешь сфере

И коль любви, во что я свято верю,
Конца ни здесь, ни в лучшем мире нет,
Моей Фьямметте передать привет
Не затруднишься ты ни в коей мере.

Я знаю: с пеба третьего она
Следит из сонма праведных за тем,
Кто жить, лишась ее, не в силах доле.

Так пусть, пока летейская волна
Не разлучила с нею нас совсем,
Я призван буду к ней из сей юдоли.

О лаврах, столь любимых Аполлоном,
И влаге, орошающей Парнас,
Начав мечтать из-за прекрасных глаз,
Что приравнял к светилам благосклонным,

Я с хором муз в приюте их зеленом
Свой голос порывался слить не раз,
Но в этом мле презрительный отказ
Они давали с видом оскорбленным.

Хотя себя не вправе я винить
За то, что слабы оказались крылья,
Взмыть на которых мнил я так высоко,

Пора, оставив тщетные усилья,
Уразуметь, как это ни жестоко,
Что рвением талант не заменить.

LXXV

Припоминая, сколь неосторожно
Часы и дни, недели и года
Я расточал в те времена, когда
Гонялся за мечтою невозможной,

Не понимаю я, чем к цели ложной
Стезей тревог, опасностей, труда
Сумел Амур увлечь меня тогда,
И плачу, и печалюсь безнадежно.

И сам себя кляню, зачем узрел
Глаза любимой, полные огня,
В котором мне сгорать судьба судила.

О, как жесток мой горестный удел!
Доколь ты будешь, смерть, щадить меня,
Кого от мук избавит лишь могилла?

LXXIX

Когда бы ты, Амур, моей любимой
Стрелою грудь хоть раз пронзить сумел,
Надежду б я, пожалуй, возымел
И утешался б в муках ею, мнимой.

Но остается столь неуязвимой
Та, с кем и ты, безжалостный, несмел,
Что до сих пор я не уразумел,
Как мне спастись от пытки нестерпимой.

Любое слово милой, жест любой
Лишь убыстряют яростный полет
Твоих пернатых жал, что дух мой рапят.

Пойми: я беззащитен пред тобой,
И если вновь свой лук тыпустишь в ход,
Твой верный раб добычей смерти станет.

ХСІІІ

Остановись и огляди дорогу,
Которою ты, дух усталый мой,
В погоне за несбыточной мечтой
Днесь приведен к могильному порогу.

Ты на него уже поставил ногу,
Но прежде чем окончить путь земной,
Порви с мирской бесцельной суетой
И обратись в тоске предсмертной к Богу.

Не бойся опоздать и посвятить
Радению о Нем остаток дней,
Что не успел отдать страстям и бредням.

Когда б ты ни решил к Нему прийти,
Он и с тобою будет не скупей,
Чем виноградарь с тем, кто зван последним.

ХСVII

Учитель, ты ушел в тот край блаженный,
Куда душа, дерзая уповать,
Что и в нее прольется благодать,
Стремится из юдоли нашей брвенной;

Куда мечтой ты влекся неизменно,
Узреть надеясь Ляуру опять,
И где с ней рядом Бога созерцать
Дано моей Фьямметте несравненной.

Вкушай отныне сладостный покой
И о предметах, непостижных нам,
Беседуй с Данте, Чино и Сенуччо;

Меня ж, коль в жизни был доволен мной,
Возьми к себе, чтоб повстречался там
Я с той, к кому горю любовью жгучей.

БАЛЛАТА II

Уж коль цветок увянет,
Вовек он к жизни больше не воспрянет.
Вот так и я проститься
С былой своей красой принуждена.
Увы, не возвратится
Минута, коль унущена она:
Ведь я же не весна,
Что минет, а потом опять настанет.

Себя я проклиная
За то, что юность другу отдала,
Но женщина была я
И что меня покинут — не ждала.
Когда б я знать могла,
Что первый цвет любви так быстро вянет!..

Умолкни же, баллата.
Слагать тебя мешает мне тоска,
Которой я объята.
Опа неисцелима, жестока
И не прейдет, пока
Жизнь пламенеть во мне не перестанет.